

№ 12 196/35 II

23.11.2007

Роза Х. ТУГУШЕВА
Санкт-Петербург

Развитие понятия *ждать* в чешском языке

Изучение формы слова и его значения с точки зрения когнитивной лингвистики позволяет глубже проникнуть в механизм взаимодействия трех основных составляющих феномена языка: самого языка, человека с его мыслительными способностями, а также объективной материальной действительности.

В наиболее обобщенном виде семантика слова в настоящее время трактуется как информация о том, что человек знает, предполагает, думает, воображает об окружающем его мире (Лукашевич 2001, 35). Сказанное относится и к единицам основного словарного фонда, который у каждого народа сформировался в глубокой древности, что, однако, не мешает носителям языка пользоваться ими и сегодня. Вместе с тем знания о мире в древности у человека были иными, по сравнению с сегодняшним днем, вследствие чего можно предположить, что характер этих древних знаний, наряду с другими факторами, тоже способствует устойчивости слов основного словарного фонда на протяжении веков.

Единицей основного словарного фонда в современном русском языке выступает глагол *ждать*, которому в чешском языке соответствует сегодня глагол *čekat*.

Ожидание предполагает наличие прежде всего физического, т.е. пространственного местонахождения человека (стоять, лежать, сидеть и т.д. в определенном месте) в симбиозе с его душевным состоянием. Пространственная составляющая концепта *ждать* довольно отчетливо просматривается в словообразовательной структуре, например, латинского глагола *praestolor* 'ждать' или существительного *praestolatio* 'ожидание, надежда',

в которых, по-видимому, можно выделить сегменты *prae* 'перед чем-либо или впереди', *sto* 'стоять' и *lacio* 'привлекать, заманивать'. Физическая кондиция человека передается здесь главным образом элементом *sto* 'стоять'. В целом же указанные латинские формы отражают, вероятно, понимание человеком ожидания как части древнего охотничьего промысла, что проявляется также, например, и у древнечешского глагола *lákati* 'привлекать, заманивать', восходящего к тому же *la-* звукоподражательного характера, что и латинское *lacio* (J 2, 258).

Синонимом *praestolor* в латинском языке выступает глагол *expectare* 'ждать', от которого произошли современные формы французского *espérer* и английского *expect* в значении 'ждать, надеяться'. В структуре же *expectare* выделяются *ex* 'вверх' и *specto* 'видеть', что также можно связать с охотничьей сферой деятельности человека в далеком прошлом, которая, как и всё в древности, была неотделима от связи с высшими, божественными силами.

Глаголу *ждати* в первых памятниках старославянской письменности соответствует 10 эквивалентных многозначных древнегреческих глаголов, содержащих в своей смысловой структуре значение 'ждать'. Эти 10 производных глагольных древнегреческих наименований по своей словообразовательной структуре соотносятся с 5 производящими основами: 1. μένω; 2. κείμαι; 3. βάλλω (о βάλλω см. и далее); 4. δέχομαι; 5. δοκέω с первичными значениями соответственно: 1. 'стоять на месте'; 2. 'лежать, покоиться'; 3. 'бросать, кидать'; 4. 'получать, принимать'; 5. 'казаться, представляться', из чего видно, что первые три глагола соотносятся с конкретным физическим действием или состоянием человека, а последние два отражают работу ума.

Связь значения 'получать, принимать' со значением 'ждать' становится понятной, если учесть, что человек обычно ждет того, кого он уже знает, или того, что он уже себе представляет, чей образ он уже имеет в виде веры в то, что это появится в действительности. Ожидание в подобном осмыслении выступает как

наличие веры в отсутствие яви. Понимание ожидания, связанное с верой, заключено, вероятно, в общеславянском глаголе *надеяться*, от *надети на себя* (Ф 3, 37), что, по древним представлениям, означало, возможно, ‘наложить, принять на себя веру’. Ждать, следовательно, – это пребывать с верой, верить, что обнаруживает связь ожидания с умственными процессами, передающими разную степень веры, – *казаться, предполагать, рассчитывать* и т.д.

Снижению интенсивности употребления глагола *nadíti se* – *надеяться* к настоящему времени в чешском языке, по сравнению с предшествующими веками, и постепенному вытеснению его из активной сферы глаголом *doufat* способствовала, вероятно, неустойчивость исторических форм *nadíti se*, сблизивших его в прошлом с образованиями от глагола *dáti* – *дать*, ср. *nadíti se* с его фонетическим вариантом *nadáti se*. В отличие, однако, от производящего глагола *nadít se* ‘надеяться’, отглагольное существительное *náděj* ‘надежда’, утратив в процессе исторического развития свой синоним *čáka*, сегодня является основным средством вербализации понятия надежды в чешском языке, закрепленном в сочетании *mít náděj* ‘иметь надежду, надеяться’, синонимичном глаголу *doufat*.

В древнепольском языке понятие ‘надежда’ выражалось словом *pwa*, с которым сегодня по происхождению связано в польском же *pewny* ‘твердый, крепкий’, в чешском *pevný* ‘твердый, крепкий’, *pevnost* ‘крепость, твердыня’ и др., в русском глагол *уповать* и т.д. (В 449). С глаголом *оупъвати* ‘твердо надеяться, возлагать большие надежды’ первые памятники славянской письменности зарегистрировали более ста употреблений (СС 743). В русском языке глагол *оупъвати* получил форму *уповать*, возможно, под влиянием греческой приставки *upo-*. В польском и чешском языках из корневого сочетания *-rv-*, возникшего после выпадения *-ъ-* в слабой позиции, образовался звук *-f-*, в результате чего из *оупъвати* в польском языке появился глагол *ufać*, а в чешском *úfati*, который под воздействием *důvěra* ‘доверие,

вера' (M 124) изменился в *doufati* 'надеяться'. Таким образом, чешский глагол *doufati* по своему происхождению отражал культовое понимание процесса ожидания, основным элементом которого была надежда, от твердости которой на земле зависела вечная жизнь на небе. Со временем глагол *doufati* утратил ореол высоты и стал соотносится с надеждой вообще. Утверждению глагола *doufati* в качестве основного средства выражения понятия 'надеяться' в чешском языке, возможно, способствовал его немецкий эквивалент *hoffen* 'надеяться', генетически связанный как с чешским *doufati*, так и с латинским *opinor* 'полагать, считать'.

Процесс ожидания предполагает, как правило, отсутствие какого-либо конкретного активного физического действия со стороны ждущего, что находит отражение и в известном русском фразеологизме *ждать у моря погоды* 'бездействовать, ничего не предпринимать'. Активным фактором для того, кто ждет, выступает время, которое, в отличие от ждущего, идет или течет, но которое не осознается человеком как воплощение его, человека, интенции. Эта последняя в свою очередь в сознании ждущего человека связывается с активностью какой-то другой силы, которая должна явить человеку то, чего у него в данный момент нет и что должно положить конец его ожиданию. В этом смысле концепт ожидания складывается из трех составляющих: 1. времени; 2. неактивного действия, поведения ждущего и 3. активного действия другой силы. Все указанные три аспекта понятия ожидания у носителей древнечешского языка выражал глагол *hoditi*.

Все, чего не было у людей на земле и чего они могли желать, по древним представлениям было на небе у богов, которые сбрасывали людям оттуда блага, подобно, например, Гефесту, кинувшему людям с неба клещи (Волошина, Астапов 1996, 92). Элементы этого языческого мировоззрения человека, отражающего его взаимодействие с силами природы, проступают в древнейших контекстах употребления глагола *hoditi*, который в совре-

менном чешском языке является глаголом совершенного вида и обозначает ‘бросить, кинуть, метнуть’.

Чешский ученый Я. Гебауэр видел в древнечешском глаголе *hoditi* производное от существительного *hod*, соотносимого с понятием времени. В одном из приводимых им в его словаре примере *hod* выступает, например, как ‘начало’ (*Zajtra t' jest hod (nového měsíce) – cras calendae sunt*), а в сочетании с наречием *pozdě – pozdě hodě* – оно обозначало ‘поздно’ (*a již pozdrie hodie bieše*; G 1, 445). Праславянское **godъ*, соотносимое с понятием времени, получило, как показывают исследования Н.И. Толстого, широкое отражение во многих современных славянских языках, например, в русском *год, погода*, в чешском *hodina* и другие (Толстой 1997, 62). Глагол же *hoditi* в древнечешском языке, в отличие от чешского языка сегодняшнего дня, обозначал не только ‘бросить, кинуть, метнуть’, но и то, что, вероятно, в глубокой древности предшествовало этому ‘броску’, что было когда-то связано с ожиданием этого ‘броска’.

Древнечешские контексты зафиксировали глагол *hoditi* как в форме имперфектива, так и в форме перфектива, причем имперфект *hoditi* больше отражал время, а перфект *hoditi* – конкретное физическое действие ‘бросить’.

Контексты на употребление глагола *hoditi* в форме несовершенного вида показывают, что как обозначение действия человека он соответствовал самому общему представлению об этом, т.е. тому, что может быть представлено значением ‘поступать, действовать’, которое реализовалось в связанном сочетании *hoditi času: Nemienim, by bylo přehlédati (t. chyby něčí) zřejmě proti bohu, ale s rozumem má člověk h o d y t y č a s u* (G 1, 445) – (Не думаю, что следует игнорировать явные заблуждения против бога, но человек должен поступать разумно). В данном контексте слово *čas* ‘время’ по смыслу приближено слову *bůh* ‘бог’, а устойчивое сочетание *hoditi času* означает, вероятно, ‘поступать богоугодно’, т.е. так, чтоб заслужить божественную благодать. Глагол *hoditi* как имперфектив сочетался с именами в дательном падеже

– *hoditi komu-čemu* – и нередко обозначал не главное действие, а попутное или параллельное основному действию, имеющее отношение к внутреннему миру человека, что выражалось в депричастной форме его употребления:

Nemohlo jemu [Namanovi] toto pomoci, jeliž se kúpál u vodě sedmkrát, svému zdraví hodye. – [Jídáš] s bratrem chodě, nevěrnému skutku hodye, dotad se s ním vodú kropí, až ho utopí (G 1, 445).

Если исходное слово *hod*, как отмечалось, указывало на начало чего-н., то в форме глагола *hoditi* признак начала трансформировался в признак предшествования, который присутствует в значении ‘предвидеть’: *Tobě ne h o d í m jiného, než což by bylo užitečno* (G 1, 445).

В целом, таким образом, в употреблениях древнечешского глагола несовершенного вида *hoditi* просматриваются ‘осколки’ концепта ‘ждать’, который в доисторическом прошлом, однако, мыслился не отдельно, а в составе единого законченного временного цикла, объединяющего начало и конец определенного действия. При этом начало, т.е. собственно ожидание, относилось к поведению людей на земле, а конец характеризовал действие богов на небе. Самым ярким моментом в этой временной цепи был сам акт, т.е. действие высших сил, ‘бросок’ в виде, например, лучей солнца, или, наоборот, дождя и т.д., в то время как то, что предшествовало ‘броску’, т.е. ожидание последнего, осознавалось не как нечто самостоятельное, отдельное от ‘броска’, а тесно с ним связанное. Человек в ожидании небесной благодати должен был готовиться к ее получению, угождая сверхъестественным силам, т.е. вести себя, поступать так, чтоб заслужить их благодеяний, чтоб быть достойным ниспосланий свыше. Так постепенно от *hoditi* в форме несовершенного вида, соотносимого с ожиданием, развилось *hoditi se* ‘быть впору, кстати, на пользу’, которое засвидетельствовано уже в памятниках старославянской письменности и употребляется в чешском и русском языках и поныне (*hodit se – годиться*). В результате трансформации глагола несовершенного вида *hoditi* в *hoditi se* в чешском языке остается

только форма совершенного вида *hoditi* ‘бросить’. *Hoditi* как *ждать* исчезает из чешского языка, но продолжает жить в разговорном русском языке как *годъть*, которое чаще употребляется с приставкой *по-* в форме повелительного наклонения – *погоди, ну погоди*. Таким образом, от единого смыслового целого, выражаемого праславянским **goditi*, в чешском языке осталось ‘бросить’, а в русском ‘ждать’.

Связь бросания с ожиданием, характерную для древнего сакрального сознания человека, отражает также древнегреческий многозначный глагол ἄναβάλλειν, смысловая структура которого содержит значения, связанные как с понятием ожидания (‘отсрочивать, откладывать’, ‘задерживать, затягивать, медлить’), так и с концептом времени (‘приступать, начинать’) (Д 1, 110). По форме же указанный глагол представляет собой приставочное образование от глагола βάλλω ‘бросать, кидать, метать’ (ср. *баллистика* ‘наука о траектории полета’).

В отличие от других греческих глаголов, выражающих понятие ожидания безотносительно к признаку времени, глагол ἄναβάλλειν обладал темпоральную характеристику ожидания как действия, длительного по времени его протекания, допускающим и повторы, на что указывала главным образом приставка ἄνα- со значением повторности действия. На славянской почве ту же повторность можно наблюдать в польском дискурсе XVI в., содержащем такие выражения, как например, *czekając ożydałem rana* или *czekając czekał* (В 663).

Происхождение глагола *ждать* этимологи устанавливают лишь на уровне родства, например, с лит. *geidhiu, geosti* ‘жаждать, желать’ (М 723). Вместе с тем обращает на себя внимание, например, что *ждать* входит составной частью в структуру глагола *угождать*, связанного с корнем **godъ*, или, например, то, что *ждать* несколько созвучно имени древнеславянского бога *Дажьдь-бог* или *Дажь-бог*. Нидерле предполагал, что *Дажь-бог* является русским локальным обозначением дающего бога (Нидерле 2000, 309). Возможно, связь *ждать* с именем *Дажь-бог*

и обеспечила жизнь глагола в русском языке и, наоборот, утрату его в чешском, где этого созвучия не было. Вместе с тем самые древние письменные памятники чешского языка, например, Далимилова хроника, засвидетельствовали глагол *ždāti*, который оказался здесь, вероятно, из старославянского наследия: *Ač ji chceš na této cestě ždāti* (J 5, 831). Но к XVI в. *ždāti* выходит из употребления в чешском языке, уступая место глаголу *čekati*, который, в отличие от *ždāti*, уже в самых первых памятниках письменности предстает как активное, широко употребительное средство выражения понятия ожидания как времени, связанного с верой и надеждой на появление того, чего или кого человек ждет. В более ранних по времени памятниках *čekati* выступает в форме *čakati*, которую впервые Добровский связал с праславянским **čajati* (J 1, 269). В свою очередь глагол *čajati* некоторые этимологи, как например, Брюкнер, связывают с существительным *čas* ‘время’ (B 73), что позволяет в *čajati* видеть семантическую параллель к *hoditi*, также первоначально связанному с обозначением времени. Возможно, *čajati* появилось из сочетания *čas jati*, так как ожидание – это не просто время, а время, „схваченное надеждой”. В древнечешском языке *čajati* в результате формирования новых глагольных основ на *-kati* сначала изменилось в *čakati*, подобно тому, как праславянское **lajati* ‘подстергать, сидеть в засаде’ в чешском языке перешло в *lákati* ‘привлекать, манить’. Первоначально *čajati* тоже выражало сакральный смысл ожидания, которое, однако, по времени растягивалось на всю человеческую жизнь, так как, в соответствии с христианством, в загробный мир, в котором человек видел свое спасение и которого он ждал, желал и жаждал, он мог попасть только после своей смерти. Вследствие этого связь глагола *čajati* с признаком времени постепенно размылась и *čakati* перешло в *čekati*, возможно, под воздействием глаголов *věřiti* ‘верить’ или *želeťi* ‘желать’, с которыми *čakati* и *čekati* были связаны семантически.

Таким образом, в словах основного словарного фонда, вероятно, предстает закодированной вошедшая в коллективную память народа информация о способах концептуализации окружающего мира носителями определенного языка с древнейших периодов их истории. Анализ показывает, что даже такие по сегодняшним меркам прозаические слова, как *ждать* по своему происхождению связаны с самыми центральными точками развития общественного человеческого сознания. Представляется, что исходная сакральная значимость, которой освящена, вероятно, вся лексика основного словарного фонда, и определяет, наряду с другими факторами, ее устойчивость.

Библиография

- Волошина Т. А., Астапов С. И., *Языческая мифология славян*, Ростов-на-Дону 1996.
- Лукашевич Е. В., *Значение слова как объект когнитивного исследования*, [в:] *Проблемы типологии языковых единиц разных уровней*, Бийск 2001.
- Нидерле Л., *Славянские древности*, Москва 2000.
- Толстой Н. И., *Славянская лексикология и семасиология*, [в:] *Избранные труды*, т. 1: *Языки русской культуры*, Москва 1997.

Сокращения

- Д Дворецкий И. Х., *Латинско-русский словарь*, Москва 1976.
- СС *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, „Русский язык”, Москва 1999
- Ф Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4, Москва 1964–1973.
- В Brückner A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1970.
- G Gebauer J., *Slovník staročeský*, díl 1–2. Praha, 1970.
- J Jungmann J., *Slovník česko-německý*, díl 1–5, Praha 1989.
- M Máček V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1971.